

Woman in Russian Society
2020. No. 3. P. 65—77
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.6

Женщина в российском обществе
2020. № 3. С. 65—77
ББК 65.202.2
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.6

ДОМАШНИЙ ТРУД ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ: ОПЫТ РОССИИ

И. Е. Калабихина^a, С. М. Ребрей^b

^a Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, ikalabikhina@yandex.ru

^b Московский государственный институт международных отношений (университет),
Министерство иностранных дел РФ, г. Москва, Россия

Статья посвящена гендерному анализу изменений затрат времени на ведение домашнего хозяйства и уход за членами семьи в России в условиях самоизоляции. Основным методом исследования является статистический анализ данных опроса, проведенного на платформе «Яндекс. Взгляд» 22—23 мая 2020 г. Результаты исследования показывают, что влияние самоизоляции имело ярко выраженную гендерную специфику: хотя и женщины и мужчины в период пандемии стали уделять домашним делам больше времени, нагрузка женщин возросла значительно; мужчины чаще выступали в роли помощников, а не заменяли женщин в конкретных видах деятельности. Гендерная специфика характерна и для детерминант, определяющих изменения в распределении времени на ведение домашнего хозяйства. Потенциал дистанционной занятости для роста гендерного равенства пока остается неиспользованным.

Ключевые слова: самоизоляция, COVID-19, пандемия, распределение времени, гендер, дистанционный режим работы, домашний труд, Россия.

HOUSEHOLD CHORES AMID PANDEMIC: RUSSIA'S CASE

I. E. Kalabikhina^a, S. M. Rebrey^b

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
ikalabikhina@yandex.ru

^b Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs
of Russian Federation, Moscow, Russian Federation

The article analyzes the impact of pandemic on gender time allocation at the household in Russia. The research is based on statistical analysis of the survey conducted on the “Yandex. Glance” platform in May, 22—23.05, 2020. Our hypotheses are as follows: 1) during the period of self-isolation, the amount of time spent by women on household chores and childcare

© Калабихина И. Е., Ребрей С. М., 2020

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07546 мк «Влияние человеческого капитала на настоящий и будущий экономический рост в России»; социологическое обследование проведено при финансовой поддержке акционерного коммерческого банка «Держава».

increased; 2) currently men who increase their contribution to the household are more likely to “help” their wives, but not replace them in different types of domestic work, that is, they work “together with women”, but not “instead of women”; 3) the distance work has potential to contribute to the egalitarian family, opening a window of opportunity for a more flexible decision-making on the time-allocation between the market and the household. The pandemic impact on time allocation of Russian households has gender specifics and requires, accordingly, gender studies. The study confirms the thesis that quarantine has altered the daily routine of Russian women more than men. Women began to spend significantly more time on domestic work, while the growth of male contribution was less. Considering unequal pandemic impact on the asymmetric gender allocation of household responsibilities, it can be argued that pandemic led to an overload of women, especially those who switched to distance work, and had to combine work and motherhood amid closed child care and schools. Steady income and distance work of Russian women correlated with such variables like the sector of employment, distance work experience, the size of the town and the size of the enterprise. An unexpected correlation appeared to be the joint transition to the distance work of the wife and the husband. The reallocation of household tasks rests on both economic and socio-cultural factors, with the latter still dominating in Russian families. This is especially true for families with children — in such a sample there is generally no correlation between the woman income during pandemic and the reduction of time spent on household tasks. In general, husband’s participation in domestic work can still be considered as additional, that is, husbands help their wives in housekeeping, and are not fully engaged into the daily routine. Of the three hypotheses put forward, we confirmed two — about the increased burden on a woman and the predominance of help to wives from men, as opposed to independent contribution to homework. Nevertheless, distance employment, in our opinion, has the potential for increased egalitarianism in the case of expanding distance opportunities for men and changing the public gender order, which assigns responsibility only to women for homework.

Key words: self-isolation, COVID-19, pandemic, time allocation, gender, distance work, household production, Russia.

Введение

Мировая пандемия COVID-19 имеет множество последствий для человечества, глубину и важность которых нам еще предстоит осознать. В условиях отсутствия вакцины наиболее эффективной политикой по борьбе с распространением коронавируса оказывается режим самоизоляции. Эта вынужденная мера, необходимая для сохранения жизни и здоровья граждан, имела беспрецедентные масштабы. Внезапный переход на режим самоизоляции стал настоящим испытанием и для российских домохозяйств: закрытие школ и детских садов, ограничения передвижений, экономический кризис, общая атмосфера страха и неопределенности и другие последствия мировой пандемии коренным образом поменяли привычный уклад жизни многих российских домохозяйств.

Режим самоизоляции был введен 28 марта 2020 г. Президент России В. В. Путин объявил 28 марта — 5 апреля нерабочими днями. Мы провели социологический опрос об изменениях в гендерном распределении времени внутри домохозяйства 22—23 мая 2020 г., когда опыт самоизоляции для российских граждан составил 2 месяца, и предлагаем вниманию читателей первые уникальные данные об изменениях в объеме домашней работы по ее видам у женщин и мужчин.

Гендерный анализ изменений в повседневной рутинной работе во время самоизоляции особенно актуален, так как позволяет, во-первых, оценить степень этих изменений для женщин и для мужчин и проследить основные тенденции в распределении гендерных ролей в российской семье в чрезвычайных условиях, во-вторых, выделить основные детерминанты, которые влияют на данные тенденции. Самоизоляция представляет особый интерес для гендерного исследователя, потому что она, по сути, стала естественным экспериментом, в котором для некоторых семей стерлись грани между обычными гендерными ролями вследствие перехода на удаленный режим работы одного или обоих супругов. В данной статье мы представим результаты гендерного анализа последствий введения режима самоизоляции, оказавших влияние на изменения в затратах времени на основные виды домашнего труда, а также социально-экономических детерминант таких изменений, включая преобразования на рынке труда (переход на дистанционный режим работы, сохранение заработка и пр.).

Обзор литературы и гипотезы исследования

Теория распределения времени Г. С. Беккера [Becker, 1965] и теория производства внутри домашнего хозяйства Р. Гронау [Gronau, 1977] стали основой для многочисленных исследований использования времени внутри домохозяйства. Анализ гендерного неравенства в распределении суточного времени — один из основных сюжетов в изучении использования самого ценного ресурса человечества [Folbre, 1994; Coltrane, 2000; Grundy, Henretta, 2006; Bianchi, 2011]. Модель распределения времени на труд по ведению домашнего хозяйства и уходу за его членами может влиять на демографическое и экономическое поведение индивидов [Калабихина, 2011], на здоровье и образование детей и общую удовлетворенность жизнью взрослого человека [Layard et al., 2014]. Тезис о «нормальности» жесткой гендерной специализации труда партнеров неоднократно подвергался критике в зарубежной и российской литературе [Waring, 1988; Посадская и др., 1989; Груздева и др., 1992; Folbre, 1994; Римашевская и др., 1999; Хасбулатова, Смирнова, 2008]. Однако большая часть работы по дому остается на женских плечах. Это происходит и в случае использования экономической модели при принятии решения о том, кто будет больше тратить времени на ведение домашнего хозяйства, и в случае социокультурной модели. Экономическая мотивация определяется уровнем занятости и дохода на рынке труда, социокультурная — гендерными отношениями и стереотипами в стране [Coltrane, 2000]. Даже в случае, когда экономические причины преобладают над социокультурными, женщины остаются ответственными за ведение домашнего хозяйства и уход за детьми и пожилыми, поскольку гендерный разрыв в доходах в большинстве стран все еще значителен. В России распространена смешанная модель распределения времени: в будние дни преобладает экономическая мотивация, в выходные — социокультурная, что делает особенно успешных женщин сверхзагруженными, свое «слабое» участие в неоплачиваемом труде в будние дни они компенсируют в выходные [Калабихина, Шайкенова, 2019].

Помимо фоновой социокультурной мотивации, на объем домашнего труда, выполняемого женщиной, влияют различные факторы на микроуровне — возраст, наличие детей и состав домохозяйства в целом, занятость и уровень

доходов, здоровье, доступ к времясберегающей технике, размер населенного пункта и жилья [там же]. Однако и макроэкономические факторы могут обуславливать объем и распределение времени, затрачиваемого на ведение домашнего хозяйства и уход за членами семьи. В частности, в кризисные годы, когда разрушается/сжимается система социального обслуживания и социальной поддержки, у женщин существенно увеличивается объем этого времени. Так происходило, например, в кризисный период социально-экономической перестройки конца XX в. в России [Римашевская и др., 1999].

Следовательно, мы имеем основание предположить, что современный экономический кризис, вызванный коронавирусом, также может увеличивать вклад женщин в экономику заботы и экономику домашнего хозяйства в целом. Пандемия отбросила нас назад в движении по пути к гендерному равенству. Это и рост домашнего насилия в периоды экономической нестабильности, и повышение уровня бедности [Peterman et al., 2020], и увеличение объема домашней работы из-за закрытия школ и дошкольных учреждений, и необходимость обслуживания взрослых членов семьи, находящихся на режиме самоизоляции. Статус женщин и мужчин накануне пандемии существенно влияет на ее последствия для них. Профессиональная сегрегация, относительно низкий уровень доходов, недостаточный доступ к страховым продуктам, электронным средствам и инструментам дистанционного жизнеобеспечения в условиях текущего кризиса делают женщин более уязвимыми [Kalabikhina, 2020].

Количественных данных об изменении гендерного распределения времени в период пандемии пока немного, но уверенность в глобальности этих изменений подтверждается социологическими данными из страны, в которой даже отсутствовал официальный карантин и режим самоизоляции. В Республике Беларусь в ситуации распространения COVID-19 47,3 % опрошенных женщин отметили, что они стали больше времени тратить на готовку еды и уборку, 30,6 % — что партнер стал больше помогать по дому и проявлять заботу, 42,1 % указали, что всё делают сами и никто не может им помочь с домашними делами и заботой о семье [Женщины и COVID-19... , 2020].

Нам представляется, что особенное влияние на перераспределение гендерных обязанностей в период пандемии оказал массовый переход к дистанционному режиму занятости. По оценкам исследователей, на дистанционную занятость в этот период перешло 26 % трудоустроенного населения России, чаще это были женщины, жители городов-миллионников, работники сферы услуг (консалтинг, ИТ, финансы, образование) [Мониторинг..., 2020]. Наши гипотезы состоят в следующем: 1) в период самоизоляции объем времени, которое тратится женщинами на ведение домашнего хозяйства и уход за детьми, увеличился; 2) мужчины, повышающие свой вклад в домашнее хозяйство, скорее помогают женам, но не заменяют их в разных видах домашнего труда, т. е. работают вместе с женой, но не вместо жены; 3) дистанционный режим работы потенциально может способствовать эгалитаризации модели разделения труда внутри домохозяйства, открывая окно возможностей для более гибкого принятия решения о распределении времени на рынке труда и в домохозяйстве.

Данные и методы

22—23 мая 2020 г. (по истечении двух месяцев реализации ограничительных мер в России) с помощью дистанционной анкеты было опрошено 1411 женщин трудоспособного возраста на платформе «Яндекс. Взгляд». Платформа предлагает услугу по проведению онлайн-опроса среди 50 млн пользователей площадок рекламной сети Яндекса с возможностью сделать случайную выборку, в том числе выборку по демографическим, географическим и некоторым социально-экономическим характеристикам [Яндекс. Взгляд, 2020]. Мы опрашивали женщин трудоспособного возраста. После отбора в базе данных осталась 1391 респондентка. Совпадение распределений с генеральной совокупностью по основным параметрам (возраст, размер населенного пункта, сфера занятости, состав домохозяйства) удовлетворительное. Наблюдаемые (незначительные) отклонения таковы: превышена доля женщин в возрастах 30—34 года, живущих в городах-миллионниках, работающих в строительстве; недостаточна — в возрастах 50—54 года, живущих в населенных пунктах с численностью менее 100 тыс. человек, работающих в сельском хозяйстве.

Использованы статистические методы (таблицы сопряженности, корреляционный анализ) и графический анализ. Данные были обработаны в статистическом пакете SPSS.

Опрос позволяет оценить влияние самоизоляции на изменение объема домашнего труда у женщин (включая разные виды деятельности), а также гендерного распределения этого труда между супругами/партнерами (по словам жены). Отдельно были рассмотрены супружеские пары для анализа гендерного распределения возросшей нагрузки. В целях установления характера участия мужей в домашней работе («вместо жены» или «вместе с женой») мы изучали комбинации увеличения и уменьшения объемов труда жен и мужей по разным видам деятельности в случае, когда участие мужа в этом труде возрастало. Кроме того, мы имели возможность проанализировать важные связи между гендерным перераспределением домашнего труда, а также ответить на вопросы, сохранился ли доход в период самоизоляции, была ли организована дистанционная занятость женщин (и их супругов), имеющих разный состав домохозяйства, работающих на предприятиях различного размера и в разных сферах деятельности, живущих в различных по размеру населенных пунктах.

Результаты исследования

Изменение объема времени, затрачиваемого на ведение домашнего хозяйства и уход за членами домохозяйства, и его гендерного распределения. В целом в условиях самоизоляции, неработающих детских садов и школ стало существенно больше домашней работы: почти 70 % респонденток отметили рост временных затрат на разные виды домашнего труда. В случае супружеских пар 67 % респонденток и 41 % их мужей (партнеров) констатировали рост затрат времени на эту деятельность. Среди семей с детьми доля таких респонденток еще выше: 71,4 % женщин и 43 % их мужей.

При этом около половины женщин отметили, что время, затрачиваемое ими на некоторые виды работы, не увеличилось (совершение покупок, стирка, глаженье), не изменилось оно и у трети их мужей.

Факторы, влиявшие на изменение бюджетов времени, имеют социокультурный и экономический характер. Приведем пример экономической мотивации в распределении домашних обязанностей: наличие заработка у женщин в два раза сильнее негативно коррелировало с увеличением временных затрат на домашнюю работу, чем у мужчин. Другими словами, если женщина сохранила свой доход, то, видимо, она с меньшей вероятностью начнет больше убирать и готовить в условиях самоизоляции, чем ее муж. Однако это свидетельствует не о том, что у женщин, обладающих финансовой независимостью, меньше семейных обязанностей, а о том, что до самоизоляции работающие женщины и так выполняли львиную долю домашнего труда [Калабихина, Шайкенова, 2018] и существенно увеличить время, уделяемое домашней работе, при сохранении занятости просто невозможно. Экономические мотивы обуславливали увеличение объема домашнего труда, его распределение становилось более равным. Такая корреляция позволяет выдвинуть тезис о проявлении эгалитарных тенденций, т. е. выравнивании гендерного дисбаланса в распределении домашних обязанностей, в условиях чрезвычайных обстоятельств. Но все это происходило на фоне социокультурной модели асимметричного распределения домашнего труда в российских семьях. Наличие дохода позволяло женщинам не трудиться дома больше. Это не означает, что они трудились меньше. Корреляция сохраненного дохода со снижением женских временных затрат на домохозяйство оказалась в два раза меньше, а в семьях с детьми такой корреляции не наблюдалось совсем. Другими словами, нет зависимости между наличием заработка у российских женщин, проживающих в условиях самоизоляции с мужем (партнером) и ребенком (детьми), и снижением их временных затрат на домашнюю работу. Заработок женщин давал им возможность не увеличивать затраты времени (в порядке убывания корреляции) на приготовление пищи, уборку, стирку, глаженье, менеджмент и в наименьшей степени на уход за детьми. Что касается их мужей, обнаружилась связь между наличием заработка у жены и повышением затрат времени мужа на ремонт. Это свидетельствует о поддерживающем гендерные нормы распределении обязанностей, когда мужчина, вероятно, и не зарабатывает, но все равно занят «мужским» делом.

Сохранение заработка у мужа (партнера) чаще связано с тем, что жена и он сам в кризис могли не менять объем домашней работы (это ярче проявляется среди семей с детьми в числе прочего за счет высокой загруженности женщин до пандемии).

Переход на дистанционный режим работы во многом повлиял на бюджеты времени, по сути, изменив образ жизни российских семей в этот период. Переход женщин на данный режим привел к росту затрат их времени на домашнюю работу и снижению этих затрат у их мужей. То есть жены на «удалёнке» взяли на себя часть обязанностей мужа, особенно в семьях с детьми. Переход мужчин на дистанционный режим работы, видимо, менее повлиял на рост затрат их времени и на гендерное равенство в распределении домашних обязанностей. Далее

мы покажем, в какой степени и какие респондентки были вовлечены в дистанционную занятость, чтобы понять масштаб влияния этого фактора.

Важным обстоятельством мы считаем связь между переходом мужчины на дистанционный режим работы и возрастом женщины при рождении младшего ребенка. Это косвенным образом может свидетельствовать о востребованности отцовских отпусков в старших репродуктивных возрастных группах.

Виды домашней работы, потребовавшие больших затрат времени у каждого из супругов. В данной части статьи мы рассмотрим гендерное распределение отдельных видов деятельности в домохозяйстве в период самоизоляции. Анализ изменения объема времени, затраченного на разные типы домашней работы, позволил выделить некоторые закономерности (рис. 1).

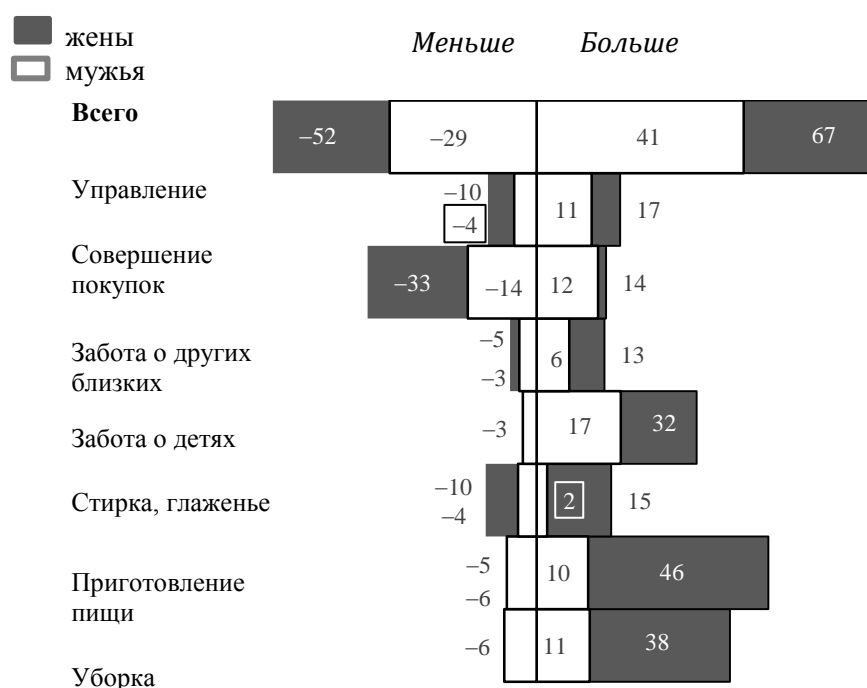

Рис. 1. Изменение затрат времени на основные виды домашнего труда в условиях самоизоляции у российских совместно проживающих пар, % (N = 813)

Гендерный разрыв в увеличении временных затрат на тот или иной вид домашней деятельности очевиден. Например, рост данных затрат на приготовление пищи отметили почти половина респонденток и всего 10 % их мужей; на уборку — 38 % женщин и 11 % мужчин; на заботу о детях — 32 % женщин и 17 % мужчин. В целом наличие несовершеннолетнего ребенка в два раза сильнее влияло на увеличение временных затрат женщин, чем мужчин. Наличие и число детей в семье обуславливают рост затрат времени не только на непосредственный уход за ними, но и на большинство других видов домашней работы.

Снижение затрат времени у женщин наблюдается на совершение покупок, стирку и глаженье, у мужчин это снижение менее значительно. Выбор в семьях того, кто занимается покупками, был в первую очередь обусловлен типом занятости супруга. Уменьшению нагрузки женщин способствовало совместное проживание с их родителями: это позволяло не увеличивать затраты времени на готовку и уход за детьми. С другой стороны, наблюдалось пропорциональное влияние совместного проживания на рост временных затрат на уход за другими близкими, т. е. за самими пожилыми родителями. При этом чем старше женщина, тем больше вероятность, что она проживает совместно с пожилыми родителями. Помогали матерям и их совершеннолетние дети, находящиеся на самоизоляции (влияние помощи детей отцам на их временные затраты не обнаружено).

Проживание супругов с родителями мужа способствовало тому, что он не тратил больше времени на домашнюю работу. Это может свидетельствовать как о помощи со стороны свекра и свекрови, так и об усилении патриархальной модели распределения домашнего труда. Более того, такое совместное проживание вело к снижению временных затрат мужей на домашний труд.

Участие мужчин в домашнем труде по-прежнему ограничивалось вторичной ролью помощника, он не являлся полноправным участником организации и обеспечения ежедневного быта домохозяйства. На рисунке 2 видно, насколько увеличение времени, уделяемого мужем тому или иному типу домашнего труда в период самоизоляции, снижало нагрузку жены. Подавляющая часть возросшего мужского вклада возникала в ситуации, когда спрос на домашний труд повышался сверх нормы и выходил за пределы физических возможностей одного человека. Другими словами, в условиях неработающих детских садов и школ и постоянного пребывания дома всех или большинства членов домохозяйства объем домашнего труда возрос так сильно, что стало невозможно придерживаться прежнего гендерного распределения обязанностей. Поэтому мужья взяли на себя часть сверхзадач их жен. Особенно ярко проявлялась забота о детях. С одной стороны, именно в этой категории домашнего труда наблюдается самый большой прирост временных затрат мужчин, а с другой — здесь же отмечена наименьшая доля женщин, которым участие мужчин действительно помогло (не более 6 %). Единственной категорией, где мужья снизили нагрузку своих жен, оказалось совершение покупок: 34,7 % мужей делали покупки чаще самостоятельно, т. е. вместо жены, и лишь 23,5 % — вместе с женой.

Переход к режиму дистанционной работы, сохранение оплачиваемой занятости, сокращение рабочих мест и потенциал дистанционной работы. Женщины чаще использовали режим дистанционной занятости в период самоизоляции. Сохранение оплачиваемой работы и переход на дистанционный режим зависели от таких факторов, как сфера деятельности, опыт работы в дистанционном формате, размер населенного пункта и размер предприятия.

Результаты корреляционного анализа показали, что крупным предприятиям переход на дистанционный режим работы дался легче, чем мелким, и тем более легче, чем индивидуальным предпринимателям и самозанятым. Но сохранить оплачиваемую работу, видимо, в большей степени удалось самозанятым женщинам, индивидуальным предпринимательницам и работницам относительно мелких предприятий.

Рис. 2. Характер участия мужей респонденток в ведении домашнего хозяйства и уходе за близкими в условиях самоизоляции, % (N = 347)

Второе место по влиянию на переход к дистанционному режиму в период пандемии занимает наличие у женщины опыта удаленной работы (у семейных пар с детьми эта корреляция выше).

Третье место принадлежит сфере занятости женщин. Сферами занятости женщин, перешедших на дистанционный режим работы (не менее 60 %), преимущественно стали образование, культура и спорт, консалтинг (финансы, аудит, юриспруденция). К сферам занятости женщин, продолживших очный режим работы, относятся госслужба (72,0 %), медицина (68,0 %), промышленность (54,3 %). В оплачиваемый отпуск сумели отправить своих работниц предприятия сферы образования (9,0 %), медицины (9,0 %) и промышленности (8,6 %). Интересно, что у женщин, проживающих с мужем (партнером) и ребенком, корреляция перехода на дистанционный режим со сферой деятельности в 2,5 раза больше, чем у респонденток, проживающих только с мужем (партнером).

Кроме того, влияние на возможность перехода к дистанционному режиму работы женщин оказал размер населенного пункта: чем больше город проживания, тем сложнее было женщине сохранить доход, но одновременно легче перейти на дистанционный режим работы. В случае российских мужчин (мужей/партнеров респонденток) корреляция перехода на дистанционный режим занятости с размером города проживания оказалась в два раза сильнее, чем у женщин.

Предсказуемым фактором, способствующим переходу на «удаленку», стал возраст женщины: чем моложе респондентка, тем легче ей было работать в дистанционном режиме.

Обратим внимание, что в период самоизоляции мы зафиксировали значительный процент уволенных мужчин. Согласно ответам респонденток, 7,3 % их мужей были уволены/сокращены к концу мая 2020 г.*

Как мы отмечали выше, переход женщин на дистанционный режим работы привел к росту затрат их времени на домашний труд и снижению этих затрат у их мужей. С одной стороны, потенциал дистанционного режима велик, поскольку он позволяет более гибко распределять время между супругами. Но с другой стороны, изначально асимметричное распределение домашней работы главенствует над меняющимися экономическими и социальными условиями. Общие «правила» женской ответственности за домашний труд будут мешать использовать этот потенциал. Мы пока получаем обратный эффект: «удаленка» увеличивает нагрузку женщин даже при условии, что мужья начинают больше помогать им.

Кроме того, потенциал удаленного режима не будет использован, если мужчины значительно отстают в его освоении. В нашей выборке в тех случаях, когда оба партнера работали дистанционно, объем домашней работы у жены и мужа в период самоизоляции чаще не менялся.

Заключение

Влияние самоизоляции на экономику и располагаемое время российских домохозяйств имеет ярко выраженную гендерную специфику и, соответственно, требует изучения. Исследование подтверждает тезис о том, что в целом режим самоизоляции повлиял на затраты времени на домашнюю работу у российских женщин сильнее, чем на эти затраты у мужчин. Женщины стали уделять существенно больше времени домашнему труду, тогда как рост мужского вклада был значительно меньше. Учитывая, что эти изменения легли на асимметричное гендерное распределение домашних обязанностей, можно утверждать, что самоизоляция привела к увеличению нагрузки женщин, особенно тех, которые перешли на дистанционный режим и были вынуждены сочетать работу и заботу о детях в условиях закрытия детских садов и школ.

Сохранение оплачиваемой работы у женщин и их переход на дистанционный режим зависели от таких факторов, как сфера деятельности, опыт работы в дистанционном формате, размер населенного пункта и размер предприятия. Неожиданной корреляцией является связь затрат времени на домашний труд с совместным переходом на дистанционный режим работы жены и мужа.

Перераспределение обязанностей в семье обусловлено как экономическими факторами (наличие заработка, переход на дистанционный режим работы), так и социокультурными (гендерные стереотипы), причем в российских семьях по-прежнему преобладают последние. Особенно это касается семей с детьми: в соответствующей выборке вообще отсутствует корреляция между заработком женщины в условиях самоизоляции и уменьшением затрат ее времени на ведение домашнего хозяйства. В целом участие мужей в домашнем труде можно по-прежнему рассматривать как дополнительное, т. е. мужья помогают своим женам вести домашнее хозяйство, а не являются полноценными участниками ежедневной работы по поддержанию быта.

* Мы не можем сравнивать этот показатель с долей уволенных женщин в силу специфики проведения опроса.

Из трех выдвинутых гипотез мы подтвердили две — о росте нагрузки на женщину и о преобладании помощи мужей женам над их самостоятельным вкладом в домашнюю работу. Гипотеза о потенциале дистанционной занятости для гендерного равенства пока не нашла подтверждения. Тем не менее она, по нашему мнению, может способствовать росту эгалитарности в случае расширения дистанционных возможностей для работы мужчин и изменения общественного гендерного порядка, который возлагает ответственность за домашнюю работу только на женщин.

Следующим нашим шагом будет регрессионный анализ факторов изменений в гендерном распределении затрат времени на ведение домашнего хозяйства и уход за близкими в период пандемии. Синхронизация стратегий супругов в вопросе дистанционной занятости также может быть интересной темой будущих исследований.

Библиографический список

- Груздева Е. В., Ржаницына Л. С., Хоткина З. А. Женщина на рынке труда // *Общественные науки и современность*. 1992. № 3. С. 178—184.
- Женщины и COVID-19 в Беларуси: потребности и проблемы // Белорусская организация трудящихся женщин. 2020. URL: https://mailchi.mp/6d0c83f8e24a/covid-19?fbclid=IwAR0hXInz4hY7w1xemZ_fmz0v8Zx5rRQ0ZgtMZQN4GEhs0-LFxzJfixKmeLE (дата обращения: 07.07.2020).
- Калабихина И. Е. Гендерный переход и качество жизни // *Уровень жизни населения регионов России*. 2011. № 8. С. 42—48.
- Калабихина И. Е., Шайкенова Ж. К. Оценка трансфертов времени внутри домохозяйств // *Демографическое обозрение*. 2018. Т. 5, № 4. С. 36—65.
- Калабихина И. Е., Шайкенова Ж. К. Затраты времени на домашнюю работу: детерминанты гендерного неравенства // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 3. С. 261—285.
- Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 12. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2020_12-114_May.pdf (дата обращения: 07.07.2020).
- Посадская А. И., Римашевская Н. М., Захарова Н. К. Как мы решаем женский вопрос // *Коммунист*. 1989. № 6. С. 56—65.
- Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М., Мещеркина Е., Писклакова М. Окно в русскую частную жизнь: супружеские пары в 1996 году. М.: Academia, 1999. 272 с.
- Хасбулатова О. А., Смирнова А. В. Эволюция государственной политики в отношении семьи в России в XX — начале XXI века: (историко-социологический анализ) // *Женщина в российском обществе*. 2008. № 3. С. 3—14.
- Яндекс. Взгляд. URL: <https://surveys.yandex.ru/> (дата обращения: 07.07.2020).
- Becker G. S. A theory of the allocation of time // *The Economic Journal*. 1965. Vol. 75, № 299. P. 493—517.
- Bianchi S. M. Family change and time allocation in American families // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2011. Vol. 638, iss. 1. P. 21—44.
- Coltrane S. Research on household labor: modeling and measuring the social embeddedness of routine family work // *Journal of Marriage and Family*. 2000. Vol. 62, iss. 4. P. 1208—1233.
- Folbre N. *Who Pays for the Kids?: Gender and the Structures of Constraint*. London: Routledge, 1994. 335 p.

- Gronau R. Leisure, home production, and work: the theory of the allocation of time revisited // *Journal of Political Economy*. 1977. Vol. 85, № 6. P. 1099—1123.
- Grundy E., Henretta J. C. Between elderly parents and adult children: a new look at the intergenerational care provided by the “sandwich generation” // *Ageing and Society*. 2006. Vol. 26, iss. 5. P. 707—722.
- Kalabikhina I. E. Demographic and social issues of the pandemic // *Population and Economics*. 2020. Vol. 4, iss. 2. P. 103—122.
- Layard R., Clark A., Cornaglia F., Powdthavee N., Vernoit J. What predicts a successful life?: a life-course model of wellbeing // *Economic Journal*. 2014. Vol. 124, iss. 580. P. 720—738.
- Peterman A., Potts A., O'Donnell M., Thompson K., Shah N., Oertelt-Prigione S., van Gelder N. Pandemics and Violence against Women and Children: CGD Working Paper 528. Washington (DC): Center for Global Development, 2020. URL: <https://www.cgdev.org/sites/default/files/pandemics-and-violence-against-women-and-girls.pdf> (дата обращения: 07.07.2020).
- Waring M. *If Women Counted*. San Francisco: Harper and Row, 1988. 314 p.

References

- Becker, G. S. (1965) A theory of the allocation of time, *The Economic Journal*, Vol. 75, no. 299, pp. 493—517.
- Bianchi, S. M. (2011) Family change and time allocation in American families, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 638, iss. 1, pp. 21—44.
- Coltrane, S. (2000) Research on household labor: modeling and measuring the social embeddedness of routine family work, *Journal of Marriage and Family*, vol. 62, iss. 4, pp. 1208—1233.
- Folbre, N. (1994) *Who Pays for the Kids?: Gender and the Structures of Constraint*, London: Routledge.
- Gronau, R. (1977) Leisure, home production, and work: the theory of the allocation of time revisited, *Journal of Political Economy*, vol. 85, no. 6, pp. 1099—1123.
- Grundy, E., Henretta, J. C. (2006) Between elderly parents and adult children: a new look at the intergenerational care provided by the “sandwich” generation, *Ageing and Society*, vol. 26, iss. 5, pp. 707—722.
- Gruzdeva, E. V., Rzhantsyna, L. S., Khotkina, Z. A. (1992) Zhenshchina na rynke truda [The woman on the labour market], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 178—184.
- Iandeks. *Vzgliad* (2020) [Yandex. Sight], available from <https://surveys.yandex.ru/> (accessed 07.07.2020).
- Kalabikhina, I. E. (2011) Gendernyi perekhod i kachestvo zhizni [Gender transition and quality of life], *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii*, no. 8, pp. 42—48.
- Kalabikhina, I. E. (2020) Demographic and social issues of the pandemic, *Population and Economics*, vol. 4, iss. 2, pp. 103—122.
- Kalabikhina, I. E., Shaikenova, Zh. K. (2018) Otsenka transfertov vremeni vnutri domokhoziaistv [Estimation of intra-household time transfers], *Demograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 36—65.
- Kalabikhina, I. E., Shaikenova, Zh. K. (2019) Zatraty vremeni na domashniuiu rabotu: determinanty gendernogo neravenstva [Time spent on homework: determinants of gender inequality], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 3, pp. 261—285.

- Khasbulatova, O. A., Smirnova, A. V. (2008) Evoliutsiia gosudarstvennoĭ politiki v otnoshenii sem'i v Rossii v XX — nachale XXI veka: (Istoriko-sotsiologicheskii analiz) [Evolution of state policy towards the family in Russia in the XX — early XXI century: (Historical and sociological analysis)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—14.
- Layard, R., Clark, A., Cornaglia, F., Powdthavee, N., Vernoit, J. (2014) What predicts a successful life?: A life-course model of wellbeing, *Economic Journal*, vol. 124, iss. 580, pp. 720—738.
- Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia* (2020) [Monitoring the economic situation in Russia: trends and challenges of socio-economic development], available from http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2020_12-114_May.pdf (accessed 07.07.2020).
- Peterman, A., Potts, A., O'Donnell, M., Thompson, K., Shah, N., Oertelt-Prigione, S., van Gelder, N. (2020) *Pandemics and Violence against Women and Children: CGD Working Paper 528*, Washington, DC: Center for Global Development, available from <https://www.cgdev.org/sites/default/files/pandemics-and-violence-against-women-and-girls.pdf> (accessed 07.07.2020).
- Posadskaia, A. I., Rimashevskaiia, N. M., Zakharova, N. K. (1989) Kak my reshaem zhenskii vopros [How do we solve the women's issue], *Kommunist*, no. 6, pp. 56—65.
- Rimashevskaiia, N., Vannoĭ, D., Malysheva, M., Meshcherkina, E., Pisklakova, M. (1999) *Okno v russkuiu chastnuiu zhizn': Supruzheskie pary v 1996 godu* [A window into Russian private life. Married couples in 1996], Moscow: Academia.
- Waring, M. (1988) *If Women Counted*, San Francisco: Harper and Row.
- Zhenshchiny i COVID-19 v Belarusi: potrebnosti i problemy (2020) [Women and COVID-19 in Belarus: needs and challenges], *Belorusskaia organizatsiia trudiashchikhsia zhenshchin*, available from https://mailchi.mp/6d0c83f8e24a/covid-19?fbclid=IwAR0hXInz4hY7w1xemZ_fmz0v8Zx5rRQ0ZgtMZQN4GEhs0-LFxzJfixKmeLE (accessed 07.07.2020).

Статья поступила 17.07.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Калабихина Ирина Евгеньевна — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой народонаселения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, ikalabikhina@yandex.ru (Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of the Department of Population, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Ребрей Софья Михайловна — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ, г. Москва, Россия, sofiarebrey@gmail.com (Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor at World Economy Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation).